

Мы любим повторять, что добрые намерения еще не есть живое дело, и тем не менее часто пересматриваем их. Есть все-таки некая неизменяемая черта в том, чтобы чувствовать себя героями выдающихся замыслов, осуществление которых мешает чуждому недоброму воле. Мы нередко сочувствуем таким героям, жалея их, соболезнуем. И постепенно вырабатываются заимствованные критерии. Критерии проищенной пользы приобретают очертания лавны, Момбала как-то всякая достигнутая высота. И наступает момент, когда очень нужным оказывается жесткое, отрезывающее слово в адрес «героев несбывшихся замыслов», которое помогло бы понять, что сочувствие ни часто бывает небескорыстным. Что таким образом, пусть даже не вполне осознанно, идет опровержение собственным слабостям. Не всегда легко смириться на равенство такого героя. Можно настаивать на непонимании, на нежелании понять. Но, однако, назревает все-таки настоятельная общественная потребность, и вот со сцены, с экрана, с книжных страниц это жесткое, отрезывающее слово звучит все яснее и яснее.

НАЧНУ несколько неоригинально — с классики, с XIX века. Театр «Современник» показал «Обыкновенную историю» И. Гончарова, инсценированную Виктором Розовым, в постановке Галины Волчек — спектакль понастоящему высокого класса. Думается, о нем еще немало напишут. Не претендуя на всесторонний анализ, остановлюсь на том, что для меня наиболее замечательным и интересным — на отношении автора инсценировки и театра к главному герою, Александру Адуеву, отношению, выраженному определенно и резко. В роли Александра — Олег Табаков. Это — без преувеличения — работа крупного мастера.

Гончаров написал о молодом бариче, который после безбашенно-патриархального деревенского детства приехал в Петербург, приехал, полный благородных устремлений, весьма неопределенных, лишённых какой бы то ни было конкретности. И о том, как, Петербург, обложка барича, сделал из него образцового чиновника, заставил жить по своим законам и нормам.

Драматург и театр заинтересовала прежде всего роль самого Адуева во всем том, что с ним происходит. Буржуазно-помещичья укладка калача души людей, как бы говорят они, но один душой сопротивлялся тому, чтобы ни калачи, а другие будто только то и ждали.

Олег Табаков играет человека духовно незначительного, его отношение к Адуеву с самого начала достаточно иронично. Вспомните хотя бы, как в письме другу предлагает Александру губовско-пешковские раздумьями. Адуеву ограниченности своего детства, и потом он, дядюшка, случайно прочел это письмо «Я переправлю... простите», — произносит артист с совершенно неподражаемой интонацией, в огромной степени расширяя смысл сказанного Адуеву и ему подобные будут до поры до времени много писать, говорить, кричать о том, что, быть может, искренне принимают за свои убеждения, но стоят кому-либо (хотя бы и родному дяде) разок-другой цыкнуть, и крикуньи сделаются, как шапокалы. Он готов заведомо к компромиссам, этот показанный «Современником» слуховой остроты, он с остротой решается на то, и расстается на полу. Позиция эта не будет ему слишком и тягостно, он не предпримет особых попыток подняться. Одно только будет совершенно необходимо нашему герою, одна неодолимая потребность будет жечь и терзать Сашеньку, настоятельно требовать выхода. Потребность поведет окружающим о разочарованности своей, о трагическом крушении высоких замыслов. Потребность излить обиду ни много ни мало на весь мир в целом.

Как виртуозно умеет канючить герой Табакова, как обожаете и похороно жаукается, с какими вкусами! Вот уж, кажется, ни дурак, ни злой пошляк. Но, однако, графа Никитича, Другой на месте нашего героя собрал бы остатки достоинства и ушел, да не такой человек Сашенька, чтобы прервать жалобы и наладиться свои по крайности сто на половине. Вот уж и прямо отыскался ему Наденька, а он все никак умоливать не может. А дядюшка Петр Иванович (его умно и точно играет М. Козлов), на что уж уравновешенный человек, и то не выдержал, когда пришел к нему Александру и тоже начал излагать свои разочарования и обиды.

И страшноватая финальная сцена спектакля минула несколько лет. Александр Адуев, обретший «взду» (разумеется, с помощью оловянного колесика), такой же хитрый (была мальчишка), важно проходит мимо поборности сочувствующих чиновников. В удивительно емком образе материализуется мысль театра о том, что из таких вот сотрапезов воздуха, скляных толов в воду в ступе, и выходит со временем благополучнейшие карьеристы и бюрократы.

Великая литература потому и великая, что дает пищу для раздумий, для духовных поисков и решений людям разных эпох. Инсценируя классику, Виктор Розов и «Современник» размышляют о том, что заняты эти — беспрестанное сотрясание воздуха и точение воды в ступе — во все времена малопрошительны. А почему, когда возможности работы на пользу общества обусловлены самой жизнью, самым строем — малопотребны, очевидно, более чем когда бы то ни было.

Обратимся, однако, к произведению, в основе которых — жизненные явления 60-х годов XX века.

МОЛОДОЙ драматург Эдвард Радзинский в своей пьесе «Снимается кино» живописно, но изборами кинодела Кирьянова, с расщепленной достоверностью привнесшую все, без разбора, молодое и новое. В статую «Комсомольской правды», посвя-

жи, — надо бы ему удержаться от пассивности, сообразная и не рассказывать задним числом каждому встречному о своих бластельных замыслах, которые были пресечены на корню, а то бы он так создал, такое... Надо бы ему, пресеченный ревнивым профессором, подобным только что упомянутому, не только усматривать пренебрежительно и безразлично, но и помнить, что это злая, беспощадная пародия на на кого-нибудь — на него самого! Народная и предостережение на будущее.

МЕЖДУ прочим, не случалось ли вам, встретившись после долгого перерыва старого товарища и увлеченно вспоминая с ним прежние годы, ощутить вдруг глухое раздражение, а потом ясную, острую неприязнь, сперва почти безотчетную? Он, старый товарищ, высоко не азается, живет, как все, не хуже и не лучше, а то, что одолевший наш Х стад писателем — так посланною книжку его стахов и читал ли? То-то вот и оно, что

ПОЧЕМУ ЗАМЫСЛЫ НЕ СБЫВАЮТСЯ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

шейной постановка этой пьесы в Московском театре им. Ленинского комсомола, речь шла, между прочим, о том, что Кирьянова и оповещенный при искусстве чиновник Трофимов, который ко всему молодому и повзрослевшему заранее подозрительно и предавало — одного подя людям, Я же хочу сейчас подробнее остановиться на другом — на верно помеченных драматургом, в частности, внутренних сплывах характеров Кирьянова и главного героя пьесы, режиссера Нечеза.

Нечеза снимает фильм, который весьма ностальгично Трофимову, но который и ему самому, Нечезу, разумеется, по советам других причинам, правится все меньше и меньше. Режиссера мучает колоссальная смелость этого фильма, далекая от действительных жизненных проблем, трудностей, поисков, тяготит то, что «так теперь не снимают только ленивые». Он приходит к тому выводу, беспощадно анализируя свою работу, а и вдруг представлял себе статью Кирьянова об этом фильме, которая, несомненно, появилась бы, не принуждая же Трофимов как следует. Представил и пошутил о том, что, если слова Нечеза о его намерении отменить статью Кирьяновой, как эксперимент, получились бы действительно точные. Понимает, так теперь не пишу только ленивые! Высказано одобрение молодому дарованию, заявлено общие литературные симпатии. Но при этом тот и в помине того, что, собственно, составляет основную задачу критики. Нет и попытки через искусство вмешиваться в жизнь, осмысливать ее процессы, выявлять их ее преобразования. И та же колоссальная смелость: как же — «поддержка» спорный фильм, который, по словам, даже кому-то «нравится» не повзрелась.

Внутреннее сближение Кирьянова и Нечеза — временно. Для Нечеза такое существование в искусстве — дуговая дома, на которой он мучительно ищет выхода. Для Кирьянова это бизнес, слепое уверенность на поверхности. Но не только Нечезу, многим на нас он как стоит задушевно, тревожно — задушевно о самой возможности такого вот «внутреннего сближения».

Один, окололитературный деятель ухитрился выразить тем, что что-то не разрешал ставить сценарию им инсценировку довольно известной повести. Когда он повзрелся на собраниях, на просмотрах, от него тут же начинали расходиться круги, словно от камня, брошенного в воду, и только слышалось: «Да, да, это то, которому не дают...» то он... он... Ему сочувственно жалко руку, ласково хлопая по плечу, демонстрируя громко ругая чиновников-перестраховщиков. О, неодоливая наша страсть к скоростному конструированию всяческих авторитетов, их прослава, слиянием, что значительнее, размышлением! Даром что значительный инсценировщик никто не читал, а его произведение, увидевшие свет, были попросту халявы.

Деятеля трофимовского типа воевал в искусстве потому, что их губило чиновничье представление о искусстве, затворяло путь к читателям, зрителям истинно новаторских произведений. Но вредны они еще и потому, что с помощью литературных бочинных и добинских, которых во все времена хватало, порождают дутые репутации, не обеспеченные реальным творчеством. И если Нечеза под давлением Трофимова все же внесет в свой фильм нелицеподобные

не стихи, а срамство, стоило ли становиться таким поэтом. А У — кандидат наук! Знаем мы таких кандидатов — добились похвальной пенсии, теперь успокоились, обставили квартиру. В общем-то, он даже и не враг. Х действительно выпустил плотную книжку, а У вряд ли станет крупным ученым. Но только неприязнь ваша не проходила, напротив, крепчалась все больше, стала бы, собственным, скрупулезно выискивая пороки в чужих судьбах единственно для того, чтобы опровергнуть собственную заурядность, свое тихое прозябанье, более того — возвести это в принцип, объявить нормой!

Молодой инженер Михаил, один из героев пьесы М. Ганниной «Анна» (ныне уезжает в Московский драматический театр им. Станиславского интересию постановки Б. Львова-Анохина), после окончания института в Москве уехал работать на затерянную в тайге стройку. Грою кажется, что он все-таки хочет облегчить людям жизнь. Да и общем-то, так, оно, наверное, и есть, он действительно этого хочет. Но молодой инженер не имеет с уверенностью, что те сложнейшие условия, в которых оказались строители, не могут не заставить их, непременно заставят опуститься, утратить гордость и достоинство (а условия действительно сложнейшие — и трудный климат, и удаленность от жилых мест, и гололетье тех, что должен был снабдить строители всем необходимым и не сделал этого). И поэтому доброта Михаила, его отзывчивость на чужую беду приобретают явственный оттенок чуть безразличной жалости.

Все, что не укладывается в круг его понятий, Михаил будет долгое время встречать с изнеможением и раздражением. И в действиях прораба Анны Проклоровны — роль — предположим, доброту на московской сцене, артист Р. Быковской — он станет отыскивать просчеты, огрехи, какой-то скрытый от всех, ей одной понятный и выгодный смысл. Доброта Михаила — от неумения, от слабости, от той же гражданской инфантильности, если только Доброта Анны — от непоколебимой уверенности в том, что здесь, сегодня, сейчас она должна, а главное — может сделать жизнь строителей содержательнее, богаче. И потому она не боится, когда ей нужно идти против их мысли, потому на себя раздражение, неприязнь. Ее доброта предполагает суровую требовательность там, где, казалось, можно бы и уступить. Михаил сквозь пальцы смотрит на приписки в нарядах, он готов не заметить, что работа выполнена некачественно, кое-как. И когда Анна говорит ему о том, что его подкачал только принимавший, развращавший людей, что, любя их, он все-таки больше любит себя, — Михаил искренне обижается. Он действительно пока еще не отдает себе отчета в том, что стремился не спорить, возмущаться отнюдь не из принципа, а из стремления к благому, к счастью и свободному духовному счастью, к тому, чтобы улаживать свою совесть способом наиболее скорым и нетрудоспособным.

А трудность и перея Михаилу, и перея тем «искателем перея в чужих судьбах», о котором я здесь говорю, возмущаются отнюдь не из принципа, а из стремления к благому, к счастью и свободному духовному счастью, к тому, чтобы улаживать свою совесть способом наиболее скорым и нетрудоспособным.

В ОТ как получается. Один — я Сибиря, на стройке, работает, не разглагольствуя, другой — художник, творческие искания, сложный внутренний мир и т. д. Третий — молодой ученый Горюнов из пьесы И. Волочка «Заблудились в колее» (о ней мне уже доводилось писать в «Комсомольской правде») — талантливый и хочет заниматься чистой наукой, А бороться с бюрократией и ласками, которые лишают его такой возможности, или хотя бы считаться с фактом их существования — это ниже его достоинства, лучше эффектно, подать заявление об уходе.

Или вот четвертый — еще один молодой ученый, герой фильма «Лебедь против Лебедева» (сценарий Ф. Мироненко, режиссер Г. Габай). Горюнов радикален, он кому угодно решит правду-матку, однако преобретать в действиях гневные свои тиряды не намерен, искренне полагая, что это не его дело Лебедева (артист В. Репертер), напротив того, он, при всех событиях, примеривается сдержанно, нечто решительнее.

Однако, встретив в коридоре заманчивую, неслыханную, обещавшую что-то другое, Лебедева только пожиме, протрянувшись, ну, примем с нежизненной лад его самого существование. А в лаборатории снова с головой уйдет в посвещенную технику, и заветная тетрадка с набросками лавно задушевно серьезной работы будет по-прежнему пылиться на полке. Лебедев все время хочет, как лучше, но он, понимает ли, олимпийский, тихий, деликатный человек, не осуждает же его за это.

Только вот однажды, вылив ашкучу, Лебедев решил побороться со своим ограничением в чужой. А отравившись, и вот стало действительно неважничать от оригинала и высказало ряд циничных соображений, которые привели к совершенно смутному бедного героя, ибо на свет божий вылезало нечто из самых дальних закоулков его души, куда и сам Лебедев не решался заглядывать. Отравление изрекло следующее: «А твоя теория? Ты огорчен, что тебе не дают ее заниматься? А может быть, огорчаться лучше, чем заниматься? Так ты по крайней мере можешь считать себя способным и неприязненным. А что если тебе позволят и у тебя ничего не выйдет?»

Какие неспоживы, во многом право-таки противоположные фигуры! И у каждого свой, отдаленный от другого резон, избирательно оправдывающий, один и то же — собственную слабость и безындивидуальность, собственную духовную хлестость и гражданскую неустойчивость (или неумелость, неприспособленность — что, от этого легче, что ли?)

Вспомните Чернышевского: «Вы хотите того-то и того-то, мы очень рады, начинайте же действовать, а мы, да поддержим...» — при такой реплике один из доловых хабарщиков героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в некое положение. И что вообще разве можно в самом деле хлопотать обо всем, о чем говорится от Нечеза деле?

ЗДЕСЬ упомянуто несколько примечных вещей последнего времени. Неожиданность перемены характера, мысли — только как-то не так. События, которые происходят, очевидно, приобретают значение потустороннее во всех сферах нашей жизни проходит пора благих пожеланий и мажорированных деклараций, не подкрепленных подлинно гражданской активностью, реальной полезной работой.

Произведения, где гласит этих деклараций платно уткнувшись в пеленки авторского сочувствия, сегодня выглядят резким антропоморфом. Как, впрочем, и критика, резанно оберегающая от их кахих бы то ни было нареканий. О том, что такие произведения и такая критика еще достаточно распространены, свидетельствуют письма из «Комсомольской правды» Георгий Радлов. Но серьезное искусство уже требует к ответу героя благих пожеланий и несбыточных замыслов — к ответу по самому высокому гражданскому счету. И в художественных поисках героев активных, действующих, оно, серьезное искусство, становится все зорче и любознательнее.

Новую актуальность приобретают знаменательные слова Писарева: «Люди умные и энергичные борются до конца, а люди пестые и нудные не годные поливаются без малейшей борьбы всем мелким случайностям своего бессмысленного существования».

Кстати, ссылаясь поспешно на авторитет выдающихся людей разных эпох, не худо бы нам почаще думать о том, что ими оставлено в наследство неприглядные духовные ценности, а не остроумные и явственно в себе самих, например, как бы они эти ценности сохранили, случись к тому благоприятствующие условия.

Нужно иногда вспоминать элементарные вещи. Хорошо, что мы чаще начинаем их вспоминать.

К. ЩЕРБАКОВ.